

Корней Чуковский ИЗ "ЧУКОККАЛЫ"

Летом 1923 года мы с Евгением Замятиным жили в Коктебеле в доме поэта Максимилиана Волошина. Волошин написал в Чукоккале такое четверостишие:

Вышел незванным, пришел я непрошеным,
Мир прохожу я в бреду и во сне...
О, как приятно быть Максом Волошиным
Мне!

Четверостишие перекликается со стихотворением Валерия Брюсова, где есть строка: "Хотел бы я не быть Валерий Брюсов"⁷⁹².

Следующей весной Волошин приехал в Ленинград. Друзья, гостившие у него в Коктебеле, собрались 2 мая 1924 года в квартире поэтессы Марии Шкапской и, чувствуя поэта, занялись сочинением буриме. Буриме - стихотворение с заранее заданными рифмами. Нам были предложены Волошиным такие рифмы: Коктебель, берегу (существительное), скорбели, берегу (глагол), Крыма, клякс (или загс), Фрима (жена Антона Шварца⁷⁹³), Макс.

На ленинградском сборище у Шкапской он тоже сочинил буриме:

Не в желто-буром Коктебеле,
Не на бесстыжем берегу,
И радовались, и скорбели
(Я память сердца берегу)
Благопристойнейшая Фрима
И всеобрюченнейший Макс
О том, что непристойность Крыма
Еще не выродилась в загс.

Когда мы прочитали вслух все написанные нами буриме, первый приз получил Евгений Замятин. Его буриме сохранилось в Чукоккале:

В засеянном телами Коктебеле,
На вспаханном любовью берегу,
Мы о не знающих любви скорбели.
Но точка здесь. Я слух ваш берегу.
Под африканским синим небом Крыма
Без ватных серых петербургских клякс
Нагая светит телом Фрина⁷⁹⁴ - Фрима,
И шествует, пугая женщин, Макс.

"Макс" действительно каждый день в определенный час выходил в одних трусах⁷⁹⁵, с

⁷⁹² 510 Строка из стихотворения В. Брюсова "Я жить устал среди людей и в днях..." (1902).

⁷⁹³ Шварц Антон Исаакович (1896-1954) - артист-чтец, пропагандист русской и советской классики.

⁷⁹⁴ Греческая гетера, жившая в IV в. до н. э. Была натурщицей знаменитого древнегреческого скульптора Праксителя и живописца Апеллеса.

⁷⁹⁵ 511 "Макс... в одних трусах" - явная ошибка памяти К. Чуковского.

посохом и в венке на прогулку по всему коктебельскому пляжу - от Хамелеона до Сердоликовой бухты.

В один из приездов Максимилиана Волошина в Петроград он подарил мне свою акварель с такой надписью:

"Дорогой Корней Иванович, спасибо за все: книги, письма, заботу, любовь. Ждем Вас в Коктебеле. Сердце, время, мысли разорваны между людьми и акварелями. Вид пера и чернил отвратителен (до осени).

Максимилиан Волошин 18. VII. 1924".

Я предложил Волошину высказать свое мнение о Некрасове.

"О Некрасове"

Некрасова ценю и люблю глубоко. Любимые стихи: "Вчерашний день, часу в шестом...", "Песня про Якова Верного...", "Адмирал-Вдовец...", "Я покинул кладбище унылое...", "Влас".

Вместе с "Полтавой" и "Веткой Палестины" - некрасовские "Коробейники" были первыми стихами, которые я знал наизусть прежде, нежели научился читать, т. е. до 5 лет. Некрасовские же стихи "...Чтобы словам было тесно, мыслям - просторно..." были указанием в личном творчестве. Они же и остались таковыми и до текущего момента, потому что все остальное вытекло из них. Как это ни странно, Некрасов был для меня не столько гражданским поэтом, сколько учителем формы. Вероятно, потому, что его технические приемы проще и выявленнее, чем у Пушкина и Лермонтова. Мне нравилась сжатая простота Некрасова и его способность говорить о текущем.

Это вызвало в самом начале моей литературной деятельности лекцию об А. К. Толстом и о Некрасове, прочитанную в 1901 году в Высшей Русской Школе в Париже⁷⁹⁶. В ней я доказывал эстетическую бедность А. Толстого и богатство чисто эстетических достижений и приемов у Некрасова. Лекция была встречена крайне несочувственно тогдашней эмигрантской публикой, вызвала прения, тянувшиеся несколько дней, и большинство моих оппонентов всеми силами старались снять с Некрасова обвинение в новизне и совершенстве художественных приемов. Мне кажется, что со стороны поэтов моего поколения (т. е. символистов) моя манифестация в честь Некрасова была хронологически первой. Эта лекция не была напечатана, и рукопись ее утрачена. Статьи Бальмонта о Некрасове, написанной им года 2 спустя, предшествовали нескольким нашим беседам о Некрасове, во время которых мы с восторгом цитировали друг другу любимые стихи Некрасова, и помнится, что он впервые от меня узнал стихотворение "Вчерашний день, часу в шестом", в те годы еще [не] входившее в собрание стихотворений.

Из всего сказанного ясно, какое влияние имел Некрасов на мое собственное творчество.

Тургеневская фраза о том, что "поэзия и не ночевала в стихах Некрасова"⁷⁹⁷, меня всегда глубоко возмущала, а после современных разоблачений о порче Тургеневым текста тютчевских и фетовских стихов убедила меня вполне в тайном художественном безвкусице Тургенева, которое я давно предугадывал.

Личность Некрасова вызывала мои симпатии издавна своими противоречиями, ибо я ценю людей не за их цельность, а за размах совмещающихся в них антиномий.

Но материалы для этого суждения я получил только теперь из статей и исследований К. И. Чуковского о Некрасове.

Максимилиан Волошин

1924, Царское".

⁷⁹⁶ 512 Лекция "Опыт переоценки художественного значения Некрасова и Алексея Толстого" была прочитана Волошиным в Париже в январе 1902 г.

⁷⁹⁷ 513 В 1869 году И. С. Тургенев писал, что в "мучительно высиженных измышлениях "скорбной" музыки г. Некрасова - ее-то, поэзии-то, и нет на грош".